

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Александр ТАМОНИКОВ

СМЕРЬ

***По следу
кровавого доктора***

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 По следу кровавого доктора / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-205609-3

1945 год. Польша. Майор контрразведки СМЕРШ Павел Никольский прибыл в только что освобожденный от фашистов концлагерь Аушвальд. Здесь в течение последних лет проводил свои опыты над заключенными доктор Клаус Мендель. Однако захватить палача с поличным оперативникам не удалось — накануне Мендель и его помощники тайно бежали из лагеря. Никольский в замешательстве: в каком направлении теперь искать преступников? Ценную ориентировку майору подсказал один из бывших узников, которого кровавый доктор прочил когда-то в свои ассистенты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205609-3

ГЛАВА 1

Марш смерти стартовал 24 января 1945 года, в одиннадцать часов утра, от западных ворот четвертого блока. Надрывались овчарки, скрипели лагерные ворота, обитые железом. Сквозь них потекла колонна узников в полосатых робах.

Их было много. Только мужчины. Они шли плотной колонной по три человека, перекрывая почти всю проезжую часть.

Овчарки рвались с поводков, вцеплялись людям в лодыжки. Эсэсовцы в утепленных шинелях посмеивались, перебрасывались острыми шутками. С караульных вышек с пулеметами за проходом колонны наблюдали часовые.

День выдался не самый теплый в эту зиму. Свистел ветер, носил по дороге пыль. Кругом чернели участки голой земли. Снега было немного. Лишь в полях да в низинах он лежал сплошным ковром. Температура чуть ниже нуля. В воздухе стояла промозглая сырость — не самое характерное явление для этих мест.

Колонна насчитывала несколько тысяч заключенных. Не менее получаса она проходила

через ворота. Позади, в недрах лагеря смерти Аушвальд, звучали выстрелы, работали бульдозеры и экскаваторы.

Но лагерная администрация не спешила уничтожать людей, способных работать, проявляла рациональный подход к этому вопросу. Власти предпочитали перемещать их на запад, в Германию. Транспорта не хватало, железнодорожные пути разбомбила советская авиация. Заключенных гнали пешком на запад, десятки и сотни километров, прочь от канонады, приближающейся с востока.

Испытывала неудобства даже охрана, экипированная очень неплохо. Люди брели по дороге, кутались в мешковину и рваные обноски, наброшенные поверх лагерных роб. Отдельным счастливицам удалось натянуть поверх своей униформы еще одну. Эту одежду они снимали с заиндеветших трупов, но толку от нее было мало. Тонкие тряпки насквозь продувались ветром, спастись от холода было невозможно. Расползалась на ходу ветхая обувь.

Дорога вилась между перелесками. За спиной остался так называемый завод смерти. Это многофункциональное учреждение, разбросанное по равнине, находилось в ведении Главного административно-хозяйственного управления СС. Высокие заборы, бетонные надолбы, извивы колючей проволоки. Геометрически правильные ряды бараков устремлялись в бес-

конечность. Возвышались трубы крематориев, из которых временами вырывался дым, словно курильщик лениво попыхивал трубкой.

На севере, за пределами лагерной зоны, снова трубы. Там находился химзавод, за полтора года построенный заключенными.

По небу плыли низкие тучи. На востоке продолжалась канонада. Там работала дальнобойная артиллерия.

Люди надсадно кашляли, дышали в рукава. Кто-то зашелся в приступе кровавой рвоты. Заключенные шли с трудом. Порывы ветра сбивали их с ног. Они жались друг к другу, так было теплее. Менялись серые небритые лица с запавшими глазами.

Лагерь Аушвальд скрылся за покатым холмом. Колонна шла по грунтовой дороге, которая втягивалась в заснеженный осиновый лес.

Кутались в шинели солдаты с рунами на касках. Охрану и конвоирование узников концлагерей власти доверяли только частям СС.

Охраны было много. Конвоиры шли по обочинам, держа наготове автоматические штурмовые винтовки образца сорок четвертого года — последнее достижение германской оружейной промышленности, лишь недавно поступившее в войска. Эти автоматы отличались от традиционных МП-40. У них имелся деревянный приклад, были улучшены тактико-технические характеристики.

Колонна тянулась по разреженному лесу. Охранники били прикладами заключенных, отстающих от нее.

Из строя вывалился мужчина в облезлом треухе, смертельно бледный, с трагической миной на сморщенном лице. Он упал на четвереньки, страшно кашлял, выстреливая сгустки крови. Товарищ из колонны схватил его за шиворот, попытался втащить обратно, но тот уже не мог идти. Его тошнило.

Раздался гортанный окрик. Он, как плетка, ударил по ушам арестантов. Они затащили доброхота обратно в колонну. Он оглядывался, звал товарища по имени.

Люди в полосатых робах брели мимо, безразлично косились на несчастного. Помочь — лишь отсрочить неизбежное.

Вразвалку подошел упитанный конвоир, пнул заключенного по ноге и проорал:

— Встать, свинья!

Реакции не последовало.

Пролаяла очередь. Заключенный упал лицом в снег, кровь потекла из его рта, ее тут же занесла поземка.

— Не слушаются, Курт? Совсем обленились? — осведомился товарищ этого конвоира.

— Да, сплошь симулянты, — ответил тот, забрасывая на плечо штурмовую винтовку. — И для чего мы их так плотно кормим?

— Сволочи! — прохрипел по-польски поджарый молодой мужчина с пучком волос на макушке.

Он обнимал себя за плечи, дышал за пазуху, согревался собственным теплом.

— Отмучился Матеуш. Он словно знал это, бедняга, слезу давил, жаловался, что далеко не уйдет. Иван, не пора? — спросил мужчина, понизив голос, и глянул на соседа.

— Терпим, Манфред, рано еще, — сипло отозвался этот самый Иван.

Он выглядел сравнительно бодро, сутулый, но еще не изнуренный, с серыми глазами, весь покрытый свинцовой щетиной. Арестант исподлобья смотрел по сторонам, берег дыхание. По-польски он изъяснялся терпимо, но этот язык явно не был для него родным.

Этот человек закусил губу, пристально смотрел, как меняется антураж за пределами дороги. Лес обрывался, справа тянулись дебри кустарника. За ними, в седловине между холмами, виднелись крыши польской деревушки. Кустарник сменялся сплошным земляным валом. Слева начинался обрывистый склон. На нем ершились озябшие кусты, глинистая почва была изрыта. Внизу разреженная голая растительность, всего лишь узкая полоса, за ней поле протяженностью триста метров, за ним лес.

— Эй, вы что-то задумали? — спросил молодой парень, бредущий впереди, вздрогнул и втянул голову в плечи. — Градов, Манфред, вы о чем толкуете?

— Не хочешь, не беги, Кароль, — процедил Манфред, на всякий случай посмотрев по сторонам. — Как начнется, падай и лежи. Немцы тебя не тронут, пригонят на другой завод, будешь пахать там, пока не загнешься. А мы уже не можем, надоело, приятель.

— Люди, вы с ума сошли! — простонал Кароль. — Отсюда не сбежать. Нас же всех убьют! Посмотрите, сколько их тут, да еще собаки, а сил осталось только помолиться. Куда бежать? Все равно поймают и пристрелят.

— Кароль, не ной, — отрезал мужчина по фамилии Градов. — Можешь оставаться, трудись во славу рейха. Недолго осталось. Когда наши с востока подойдут, немцы все равно вас всех расстреляют. Уж лучше в драке умереть, чем соплями заливать холодную стенку.

— Хочешь сдать нас, Кароль? — спросил Манфред и хмуро посмотрел ему в затылок. — Давай, беги к господам охранникам, докладывай, что побег замышляется, вымолишь себе дополнительную пайку, получишь свои тридцать медяков.

— Почему медяков? — осведомился Градов.

— Так ведь ты не Бог. За тебя серебра не дадут.

Градов рассмеялся. Этот смех звучал очень странно, напоминал предсмертный кашель.

Люди, бредущие рядом, молчали. Возможно, они не слышали их беседу. Или же им было все равно.

— Я тебе в рожу дам, Манфред! — глухо прорычал парень. — Если будешь думать, что я такая сволочь. Я с вами, люди. Сил моих больше нет. Будь что будет!

Градов посмотрел назад. На пятки ему наступали еще трое. Вся компания — заговорщики, всем нечего терять. Заключенные молчали, с какой-то шемящей тоской смотрели на Градова.

Двое из них были венграми, освоившими за полтора года польский язык — Сандор и Корнель. Первому около тридцати, второму за сорок. Оба из Будапешта. Они попали под раздачу в сорок третьем, когда марионеточные власти устраивали облавы на антифашистов. Эти двое оказались не в том месте и не в то время. Венгры выжили в концлагере, потому что волю имели и держались друг за друга.

Третий смотрел на Градова большими глазами, тоже исхудавший, весь в нарывах, незаживающих язвах, с угловатым несимметричным черепом и ввалившимся носом. Хороший парень, но почему-то англичанин. Дуглас Лоу, верный подданный короля Георга. Какой только экзотики не встречалось в фашистских концлагерях!

— Иван, мы готовы. Ты только знак подай, мы сразу начнем, — прохрипел он на какой-то жуткой смеси польского и русского.

— Хорошо, — сказал Градов. — Ждем подходящего момента. Обрыв еще долго протянется. По сигналу все катятся вниз, бегут через поле. Надо бы захватить оружие.

— Мы сделаем, Иван, не подведем, — выдал из горла венгр Корнель. — Я хоть одного прикончу, умру свободным человеком.

Молодой Сандор отказался от комментария. Его зубы выбивали чечетку, он шептал молитву, пристально уставился под ноги.

Колонна брела по дороге. Покрикивали охранники. Где-то в тылу разразилась звонкая автоматная трель. Гул пробежал по толпе, словно ветер тряхнул человеческую массу.

«Это не было попыткой к бегству. Автоматчики пристрелили очередного доходягу. Какое ни есть, а развлечение. Не важно, куда нас гонят, — мрачно думал Градов. — Половина все равно не дойдет. Конвой все обочины вымостит трупами».

— Иван, а в самом деле, куда бежать? — Манфред Стаховски, бывший поручик польской армии, облизнул губы, изрытые трещинами. — Ну, скатимся вниз, так нас всех там и прибудут. У них вон автоматы новые, далеко стреляют. Нет, ты не подумай, что я отказываюсь, просто интересно. Может, стоит подождать другого случая?

— Не будет у нас другого случая, дружище. Далее равнина, там точно не спрячешься, по-

том деревня Шестово, в ней немецкий гарнизон, дальше опять поля. Только здесь, Манфред. У всех не выйдет, но кому-то повезет. А нет, так умрем с музыкой, весело, с хорошим настроением. До леса добежим, а там посмотрим, как жить дальше. В землю зароемся, померзнем еще чуток.

— Вы, русские, безумный народ, — пробурчал ему в спину Лоу.

Непонятно было, то ли одобрял, то ли недовольство высказывал.

— Всегда хотите использовать свой шанс, даже если он один из ста. Я с вами, Иван, не сомневайся. Повелся с тобой, теперь и сам наполовину русский. Но знай, многие из наших не одобрили бы твой план. Красная армия уже рядом. Скоро она сможет отбить нас. Да, мало шансов, что нас перед этим не расстреляют, но, извини, друг, все же побольше, чем сейчас. Добежать до того подозрительного леса мы вряд ли сможем.

— Так оставайся, Дуглас. Надежда никогда не умрет.

— Нет, Иван, я с тобой пойду. Унизительно это, не для меня. Хорошо, что эти мерзавцы хоть покормили нас перед дорогой.

Это высказывание вызвало усмешку даже у самого Лоу. Кормили в лагере, мягко говоря, не на убой. В последний завтрак три часа назад выдали по миске страшноватой серо-бурой бурды, которую в Белоруссии с натяжкой на-

звали бы бульбой, и на шестерых — прочный как камень брусок, спрессованный из злаков, так называемый хлеб. Зубов у заключенных осталось немного, жевать им было нечем. Поедание данного продукта выливалось в занимательную для охраны процедуру.

— Кто-нибудь знает, куда нас гонят? — спросил Сандор, закончивший молитву.

— За тридевять земель, — с усмешкой проговорил Градов. — В тридешатое царство, которое называется фатерланд. Фрицы наивно считают, что туда советские войска не придут. Они остановят их на подступах, наберутся высокого духа, получат резервы, оружие возмездия и погонят русские орды обратно. Пусть выкусят! Войну они проиграли. Так, мужики, будьте готовы! Ждем, когда фрицы отвлекутся.

За их спинами сигналили машины, конвоиры орала, прижимали толпу к левой обочине. Человеческая масса хлынула туда, многие падали. По дороге на запад пронесся затянутый брезентом командирский «Хорх». Из окон торчали хмурые физиономии в офицерских фуражках. За «Хорхом» катил трехтонный «Мерседес» с закрытым кузовом. Вез он явно не пехоту.

Градов напрягся. Он увидел, что охрана отвлеклась на незначительный инцидент. Клык стального стопора грузовика вцепился в рваную робу зазевавшегося узника и потащил бедолагу за собой. Тот махал руками, потерял равнове-

сие, пронзительно визжал. А потом он угодил под колеса тяжелой машины! Грузовик проехал по телу, подпрыгнул. Но водитель, видимо, разглядел в зеркало, что произошло, и не стал останавливаться.

Маленькая колонна ушла вперед. Раздавленное тело осталось на дороге и какое-то время подрагивало. Охранники потешались, обменивались шуточками. Конвоиры на другой стороне колонны подпрыгивали, тянули шеи. Им тоже хотелось веселья!

Градов мимолетно переглянулся с сообщниками. Мол, за дело, товарищи смертники!

Конвоир, здоровый дылда с потными волосами, торчащими из-под шлема, был совсем рядом. Штурмовая винтовка болталась на его плече. Охранники с двух сторон колонны выдерживали между собой дистанцию в пятнадцать-двадцать метров.

Градов выдохнул. Ну, развернись, плечо! Он выпрыгнул из строя, бросился на охранника, врезал ему кулаком в бок. Иван давно мысленно репетировал этот удар, вкладывал в него всю душу!

Немец охнул, выпучил глаза. Дослужился до ефрейтора, ну и хватит! У эсэсовца перехватило дыхание, и Градов без труда сорвал автомат с его плеча. Конвоир резко повернулся, хватанул воздух как рыба, брошенная на берег. Взлетел приклад, разбил его челюсть. Ударила короткая

очередь, и эсэсовец повалился. Его лицо сразу как-то поглупело.

Ближайший солдат повернулся не очень быстро. Выстрелы на марше — дело обыденное. Грохнула вторая очередь, и этот упал, потешно взмахнув ногами.

Разворот на сто восемьдесят. Как же вовремя, черт возьми! Конвоир с перекошенной рожой передергивал затвор, который заело накрепко. Он оставил эти попытки, заорал и помчался на Градова. Не добежал, зарылся в мерзлый грунт. Грудь его была продырявлена пулями.

Толпа заревела. Качнулся строй, и без того помятый. Люди вываливались из колонны, ошалело вертели головами.

Градов нагнулся, выхватил у мертвого охранника запасной магазин.

— Народ, все за мной! Манфред, автомат заberi! — выкрикнул он и прыжками кинулся за обочину.

Ветер свистел в его ушах. Он ощущал какую-то неслыханную легкость. Иван много лет не чувствовал ничего подобного! Склон был крут, но он летел вниз как на крыльях, делал какие-то невозможные для себя прыжки и молил Господа, в которого не верил: «Только бы не упасть! Только бы не упасть!»

Но Градов упал и покатился по склону. Он срывался с глиняных глыб, больно бился о них, но это было уже не важно. Автомат Иван не по-

терял и подмечал краем глаза, что не один он такой пряткий. Люди катились за ним, кричали от страха.

Охрана наконец-то открыла беспорядочную пальбу. Солдаты спустили с поводков овчарок. Те неслись рычащими кометами, вцеплялись людям в ноги, валили их, вгрызались в глотки. Самые смелые узники разбегались и прыгали в обрыв.

Взбешенная охрана сначала стреляла над головами, потом открыла огонь по людям, валила их гроздьями. Кто-то бросался на врагов, отбирал у них оружие, тоже пытался бежать или погибал.

В колонне образовалась приличная дырка. В других местах конвоем удалось справиться. Заключенные лежали на дороге вповалку, закрыв головы руками. А в середине строя происходило что-то суматошное. Пока охранники опомнились, подтянулось подкрепление, еще человек сорок слетели вниз.

Конвой отсек поток арестантов, желающих пуститься в бега. Груда тел валялась на обочине. Взбешенные эсэсовцы выбегали на обрыв, швыряли вниз гранаты, валили беглецов из автоматов.

Иван Градов докатился до подножия крутого склона, пополз в канаву, давясь землей. В бега по его примеру пустились не меньше семидесяти человек! Поляки, венгры, югославы, несколько русских и украинцев. Люди с воплями неслись вниз. Одни прыгали, другие катились.

Охранники палили по ним не целясь. Заключенные падали, обливались кровью, но кому-то удавалось достичь подножия склона.

Градов открыл огонь по автоматчикам. Его слепил холодный пот, судорога сводила пальцы, но он попадал! Унтер-офицер рухнул и сполз по склону головой вниз. Еще один эсэсовец схватился за живот, отпрянул в слепую зону.

Конвоиры получили команду и тоже побежали вниз. Вырывались вперед свирепые овчарки.

Градов выбил пустой магазин, вставил свежий. Пальцы не слушались его, отказывались оттягивать затвор. Хоть зубами рви! Но он справился.

Мимо него уже неслись люди, пробивались через кустарник, выскакивали на поле. У многих надежда в глазах. А вдруг?.. Пробежали, пригнувшись, англичанин Лоу, венгр Корнель, кто-то еще.

Справа Манфред открыл огонь из канавы, свалил двух охранников, подбил собаку. Ты молодец, пан поручик! Все же учили чему-то в польской армии.

Беглецы обтекали Градова, уносились в поле. Многие падали, срезанные пулями. Сандор зря молился. Он уже катился вниз, тряся конечностями. Из раскроенного черепа выплескивалась кровь. Промчался, закусив губу, молодой парнишка Кароль из предместий Кракова, поста-

ревший в лагере лет на тридцать. Но далеко не убежал, охнул, рухнул ничком. Кровь текла из дыр в полосатой робе.

— Манфред, уходим! — Иван не кричал, а выкашливал.

Он меткой пулей сбил с ног эсэсовца, вырвавшегося вперед, пригнулся и побежал по полю. Градов прыгал с кочки на кочку, вилял, увертывался от пуль и дико поражался наличию сил в организме.

Иван не выдержал и обернулся. Весь склон был усеян телами, кто-то еще стонал, пытался уйти. Охранники спускались вниз, стараясь не упасть, как лыжники по склону. Один не удержался, кувыркнулся через голову. Над ним почему-то никто не смеялся. Собака вырвалась вперед, неслась галопом, разевая бездонную пасть.

У Ивана сорвалось дыхание, но он не сдавался, работал ногами. Слева, справа бежали такие же люди, хватались за грудь, давились кашлем. Пятился Манфред с автоматом, огрызался короткими очередями. Он извел все патроны, выбросил к чертовой матери никчемную железку и помчался к лесу, зачем-то закрывая голову руками.

«Да, не ошибся я в этом малом, наш человек», — подумал бы Иван, если бы имел на это время.

Половину поля одолели не больше тридцати человек. Они бежали кто как, каждый за себя.

Пули выбивали то одного, то другого. Несколько человек сами прекратили гонку. У них кончились силы. Они лежали, таращились в небо и ждали конца. Эсэсовцы тоже бежали по полю, увязали в бороздах, заваленных снегом, стреляли на бегу. Лес приближался издевательски медленно.

Как же вовремя Градов обернулся! Уже готовилось к прыжку лохматое чудовище немецкой породы, собиралось впиться в глотку. Бешенство сочилось из воспаленных глаз. Иван что-то орал, давил на спусковой крючок скрюченным пальцем. Собака уткнулась носом в землю, кружилась веретеном, разбрызгивая кровь. Схожая участь постигла автоматчика, бегущего следом за псом. Он словно не поверил, что убит, замер, изумленный, и рухнул навзничь всем своим откормленным телом.

До леса добрались десятка два, самые удачливые. Беглецов тошнило кровью. Они стонали, забегали за деревья и падали.

— Вперед! — прохрипел Градов. — Вы же мужчины! Не останавливаться! Лес небольшой, бегите дальше. Они его могут объехать, если мы потеряем время. У эсэсовцев есть рации, погоня спать не будет!

Люди вставали, валко бежали дальше, увязая в снегу. Чех Карел Грачек, бывший подпольщик из пражского Сопротивления, обнял молодую осину и сползал по стволу, испуская страстные